

Всякая-всячина из 6 «Б»
Сборник рассказов
Детектив гороховый
рассказано Цветозаром Гороховым

На большой перемене, ко мне подскочила наша местная папарацци – Элька Белкина из 6 «В», корреспондент школьной газеты. Она сунула мне под нос диктофон и затрещала:

- Газета «Школа-ньюз» и я, Элеонора Белкина! И сейчас, по многочисленным просьбам читателей, я проин… проинтер… проинтервьюю, - наконец, справилась с заковыристым словом Элька, - можно сказать, героя нашего времени, Цветозара Горохова.

- Кого? – не поняла стоящая тут же девчонка из параллельного класса.

- Вот его! – ткнула в меня пальцем Белкина. – Цветозара Горохова! Ну, зовут его так – Цветозар! – начала сердиться Элька. - Что тут непонятного?!

Девчонка кивнула, мол, все понятно, хотя по ней было видно, что не все… Ну, имечко у меня, конечно… Мама выбирала. Чтобы звучало. На случай моей будущей известности. Но с мировой славой у меня как-то не сложилось. А глупое имя осталось. Впрочем, я на маму не в обиде. Про него все равно никто не вспоминает. С такой-то фамилией! Поэтому сейчас для доброй половины собравшихся это оказалось новостью. И кое-как справившись с удивлением, они загадали:

- Давай, Элька, проин… тьфу! …юирий его! Пусть расскажет, как до такой жизни докатился!

- Ну, Горох, ты попал! – хохотнул Макс Буянов, - сейчас она тебя как отъинтер… выюи… рует! Мама родная не узнает!

- Беги! – посоветовал мой лучший друг Роман Петров.

И я бы с удовольствием так и сделал, но Белкина вцепилась в меня мертвый хваткой.

- Буквально два слова для наших читателей, - опять завела она, - для начала расскажи нам свою биографию!

- Нет у меня никакой биографии! – буркнул я, - отвяжись!

- Но народ должен знать своих героев! – и не подумала воспользоваться моим добрым советом Элька.

- Не знаю, как народ, а ты у меня сейчас точно узнаешь … как приставать с дурацкими вопросами! - угрожающе зашипел я и поиском глазами, чем бы треснуть навязчивую папарацци – на свои-то кулаки я не особенно полагался.

- Ну, что тебе стоит! – занудила Белкина.

- Даешь биографию!!! – заулюлюкал «народ».

Я затравленно оглянулся, ища пути отступления. И тут зазвенел спасительный звонок.

- Ничего не поделаешь, труба зовет! – с фальшивым сожалением вздохнул я.

- Чучело гороховое! – мгновенно забыла про свою важную миссию Элька, - такое интервью испортил! – и она, огрев меня своей сумкой, унеслась в класс. Страшно довольный, что избавился от надоеды, я ухватил свой рюкзак, но был остановлен гневным голоском Юльки Соболевой:

- Звездишь, значит?!

Юлька – староста класса и к тому же отличница. И тем не менее она мне безумно нравится. Поэтому я не разозлился, а смущился и замямлил:

- Да я не звездю, я это...того...в общем, нечего мне рассказывать!

- А если подумать? – сурово сдвинула белобрысые бровки девочки моей мечты. Она сердилась, потому что Элеонора была ее лучшей подругой. Что-то (некоторые называют это «внутренним голосом») мне подсказывало, что лучше все-таки «подумать». Дабы не обрушить на мою только что пребольно стукнутую Белкиной голову еще и Юлькин гнев. Но я все-таки рискнул отбиться.

- Я ж с вами с первого класса учусь, - напомнил я, - вы и так все про меня знаете!

- А до первого класса! – не сдалась Юльча.

- А до первого класса я ходил в детский сад, - тоже заспорил я, - и был несознательным!

- Ага, - насмешливо фыркнула староста, - а сейчас, значит, ты сознательный? С неаттестацией по истории!

- О, сознательнейший из сознательных! – тут же закривлялся Буянов.

- Не смешно! – нахмурилась в мою сторону Юлька, хотя я и так даже не улыбнулся. – Человеку, между прочим, для дела надо! А ты...! В общем, сейчас у нас все равно «форточка», так что у тебя есть сорок пять минут, чтобы написать о себе!

С этими словами Юльча уселась на подоконник и раскрыла учебник «Истории».

- Для тех, кто не понял – разговор окончен! – подтвердила она мою догадку.

Я вздохнул – не отбился.

- Время пошло! – поторопила Юлька

- На старт-внимание-марш! – радостно проорал Макс и к моему неудовольствию взгромоздился рядом с Соболевой.

- Бабы Маши на вас нет, - проворчал мой лучший друг и, опасливо оглянувшись, тоже полез на подоконник.

Я с завистью посмотрел на эту теплую компанию и взялся за ручку. Хотя решительно не знал, что писать. Биографии-то у меня еще - кот наплакал.

- Тебе же лучше, - не отрываясь от истории, хмыкнула Юлька, - меньше сочинять.

Я понял, что «пощады» не будет и, еще раз тяжело вздохнув, вывел: «Я, Цветозар Горохов, родился...»

И, наверное, с того самого момента из меня все время пытались вырастить знаменитость. Бабушки - великого музыканта, дедушки – Олимпийского

чемпиона, родители же мечтали об ученом-физике. И с завидным упорством меня таскали на всевозможные прослушивания, просматривания и простукивания. Но я оказался на редкость бездарным ребенком. Десять педагогов категорически не отыскали у меня музыкального слуха, а десять тренеров сочли мои физические данные слишком хлипкими для спортсмена. Мои бабушко-дедушковые родственники здорово приуныли, я же, напротив, был безмерно счастлив. К тому же наступило лето, и мы поехали на дачу. Там не было ни одного музыкального инструмента, зато была речка, велосипед и соседские мальчишки. Но лето закончилось, а с ним и мое счастье. Потому что, когда мы вернулись в город, оказалось, что я уже достаточно вырос, чтобы идти в школу. Родные опять оживились. Я их восторга совершенно не разделял и всячески пытался убедить маму отказаться от этой затеи. Но она была настроена очень решительно, и первого сентября накрахмаленный, с огромным букетом гладиолусов, я стоял на линейке и слушал пламенную речь директора школы.

- Все! – я поставил точку и протянул листок Юльке. – До школы дописал!
- Ну, и из чего здесь видно, что это биография будущего «героя»? – нахмурилась староста. – Где процесс формирования героической личности?
- Чего?! – вытаращился я.
- Про школу давай! – не стала вдаваться в объяснения Юльча.
- Ну, там геройского точно ничего нет! – предупредил я и приписал еще пару строк. Про то, что мои неугомонные родственники продолжали мечтать о моей «знаменитости», теперь уже на научном поприще. И про то, как их опять постигло жестокое разочарование – прилежного ученика из меня тоже не получилось. Хотя мама называет это банальной ленью.
- Ясный пень! – хихкнул Ромыч.
- Не факт, - заржал Буянов, - есть еще банальная тупость!

Я хмуро посмотрел на него. Отреагировать более достойно мешали внушительные размеры Макса – как ни крути, а он на голову меня выше, и раза в полтора здоровее. Конечно, мы с ним теперь друзья. Но как говорит Петров, мало ли...

А Юлька разозлилась:

- Чучело гороховое, образ героя должен вырисовываться, а не образ бездельника!
- Я и предупреждал, что не гордость школы! - пожал я плечами, умолчав о том, что папа периодически пытается исправить эту ситуацию при помощи ремня. К счастью, все наше большое семейство такого метода воспитания резко не одобряет.
- Ой, да знаем мы, что ты балбес! – отмахнулась Юлька. – Но этого же в газете не напишешь! – справедливо заметила она и порвала мои каракули. – Это надо переписать! – решительно подавила она мой назревающий бунт. - И представить дело так, будто это ты, ты! а не бабушки! мечтал всю жизнь прославиться! И стремился к этому! И вот, после долгой и упорной работы в этом направлении, мечта сбылась – теперь тебя знает вся школа!

- Но это же вранье, - хмыкнул я, – никакой работы не было - известность пришла откуда не ждали!

- Конечно, вранье! – сердито фыркнула Юлька, - а без него получается, что ты, как Емеля – сидел-сидел без дела на печи, а потом, бац, щуку выловил и сразу стал весь в шоколаде!

- А так получается – вранье! – уперся я.

- Емеля!

- Вранье!

- Емеля!

- Да напиши просто - повезло! – посоветовал Ромыч, пресекая наш бестолковый спор.

- Ничего себе везенье! – тут же перекинулся я Петрова. – Меня, между прочим, чуть из школы не выгнали!

И это была чистая правда! В общем

...До осенних каникул оставалось каких-то две недели, и я уже подпрыгивал от нетерпения, но тут это все и случилось. Хотя, как говорится, ничто не предвещало.

- Ты всегда так говоришь, - обычно бурчит на такое мое заявление мама, - а потом – бац – двойка!

Я тихонько вздыхаю про себя: «Двойка! Если бы! Тут целая неаттестация по истории «улыбается». Но вслух я этого, понятное дело, не произношу. Конец четверти еще все-таки не завтра, и я оттягишаю «момент истины». И надеюсь на чудо.

- Ну-ну! – насмешливо фыркает Юлька. – Сначала надеялся на авось, теперь – на чудо! Сам ты - чудо! Гороховое!

Это уже прямая насмешка над моей фамилией, и я сжимаю кулаки:

- А в глаз!

Но Юлька не очень-то пугается моего свирепого вида и продолжает:

- А учить не пробовал? Говорят - помогает!

- Врут! – убежденно говорю я и мщу за «фамильное» оскорблениe - набрасываю ей на лицо отобранный у нее же шарф и кричу: - Юльчатай, открой лицико!

- Ну, держись, чучело гороховое! – гневно кричит староста и вскакивает с места.

Я с хохотом несусь к выходу. 7:59. Еще все хорошо.

Я как раз подбежал к двери, когда она резко распахнулась, и в класс ворвалась Крокодила, историчка наша, Лидия Ивановна Коробкина. Конечно, Крокодила совсем не «рифмуется» с Коробкиной, зато в точности отражает ее зловредный характер.

Собственно, на этом «хорошо» закончилось! И началось «плохо», а еще «совсем плохо» и «хуже некуда»! Естественно, я не успел затормозить и воткнулся в Лидию Ивановну. Я едва удержался на ногах, она же даже не пошатнулась!

- Извините! – пробормотал я, осторожно ощупывая свой нос.

Но Крокодиле, похоже, мои извинения были не очень-то нужны: ухватив меня за плечо, она завопила:

- Горохов, где журнал?!
- К-к-какой журнал? – я все еще не мог прийти в себя после столкновения.
- К-к-классный! – передразнила меня добрая учительница. – Шестого «Б», если ты забыл!
- Не знаю! – ошалело замотал я головой.
- Конечно, знаешь! – с силой потрясла меня за плечо Лидия Ивановна, и моя голова замоталась еще сильнее, - он у тебя!
- Неееет!!! – я попытался вырваться.
- Да!!! – отрубила историчка и ехидненько так добавила: - Больше-то не у кого, ты ж у нас один претендент на неаттестацию!
- Ну и что, - буркнул я, - все равно у меня его нет.
- Вот что, Горохов! – потеряла терпение Крокодила, - если ты не понял – я не шучу! Или ты приносишь журнал, и побыстрее, конец четверти на носу, или тебя отчисляют из школы! – и она выскочила из класса, сильно хлопнув дверью.
- Я не понял, истории, что, не будет?! – шепотом, словно боясь спугнуть нечаянное счастье, спросил Макс Буянов.

Ответ последовал незамедлительно – дверь снова распахнулась, в проеме нарисовалась мадам Коробкина и заорала:

- Обрадовались уже, небось?! А вот нет! Сидеть тихо и повторять пройденный материал, в конце урока – тест! – и опять многострадальной дверью – «шарах»! Класс, как по команде, уткнулся в учебники, я же все это время простоял с вытаращенными глазами, пытаясь осмыслить услышанное.

- Ну, олух царя Гороха, - всплеснула руками Юльча, как обычно перепутав царей, - ты зачем журнал взял?!
- Да не брал я его!!! - Я вдруг с ужасом осознал, что, кажется, в этот раз бабушкам не удастся защитить меня от папиного гнева, и ременного воспитания мне не избежать.
- Ой, не лги! – завопил, кривляясь Макс Буянов. Он никогда не упускал случая посмеяться надо мной.

Я посмотрел на его довольную физиономию и все понял!

- Это ты!!!! – заорал я. – Ты взял!!!
- Неа, - нагло ухмыльнулся Буянов.

Наверное, образ папы во гневе сильно замутил мой рассудок, потому что, напрочь позабыв про разность весовых категорий, я подскочил к Максу и сунул ему кулаком в нос. Вообще-то кулачки у меня цыплячьи, и шкафоподобному Буянову вреда от них, как слону от дроби, поэтому я и сам не понял, как так получилось, что от моего удара у него из носа кровь хлынула. Перепугались мы с ним оба и понеслись в туалет. Следом за нами бежали Юльча и мой друг Петров.

- Да не я это! – щедро поливая холодной водой нос, рубашку и пол в туалете, клялся Буянов.

Почему-то я ему поверил, но от этого мне стало еще хуже.

- Зря, - вздохнул я, - тогда я вообще пропал!

- Да ладно, - не очень уверенно пробормотал Макс, - может, она тебя того ...
пугает просто!

- Зачем?!

- А зачем ты ее склерозник к столу приkleил? – хмыкнул Буянов.

- А чего она, - буркнул я, - сама все даты там подглядывает, а я заглянул в
учебник так сразу «твикс»! Это несправедливо!

- Я тебя умоляю, - насмешливо фыркнула Юлька, - борец за справедливость!
Учить надо!

Я хмуро глянул на старосту:

- Да это она мне, наверное, за котенка мстит.

- Говорю ж – дубина гороховая! – дернула плечиком вредная Соболева.

- Стоеросовая, - поправил ее мой друг Петров.

- Дубина – она и в Африке дубина! - отрезала староста. - У человека, между
прочим, котофобия, а ты!

- А что я? – возмутился я. – Я не хотел ее пугать!

Вот тут я не врал! Котенка я подобрал по дороге в школу – уж больно жалобно
он мяукал! Потом показал его соседке по парте Лизке Зелинской, кстати,
племяннице Лидии Ивановны, пообещав разрешить погладить, если она
«домашку» даст списать. Да только котейке Лизкины уси-пуши были без
надобности, он уже колбасу в сумке Крокодилы учゅял и прямым ходом туда
рванул. А у той сумища таких огромных размеров, что бедный котенок туда с
головой и провалился. Она его только в учительской обнаружила. Орала,
говорят...! Жалко я не слышал! Хотя ее мне тоже жалко, конечно. Ну, раз у нее
эта ... котофобия! Я ж не нарочно! Я и слов-то таких не знаю!

- Ну, нарочно – не нарочно, это ей без разницы, - деловито сказал Макс, - для нее
главное - найти виноватого! А уж Булкина тебя сдала, будь уверен!

Я подавленно молчал.

- Слушайте, - подал голос Ромыч, - да, может журнал лежит себе спокойно в
учительской! Надо просто сходить и посмотреть!

- Ну да, - усмехнулся я, - мне там особенно будут рады!

- Ладно уж, – вдруг милостиво заявила наша староста, - учительскую я беру на
себя! Сейчас сгоняю, а вы – в класс, а то, того гляди, Крокодила вернется –
мало не покажется!

Ромыч с Буяновым побежали в класс, а я, опять же в надежде на чудо, остался в
коридоре ждать Юльку.

- Журнала нет, - запыхавшись, бросила староста, - зато идет Крокодила!

Мы со всех ног бросились в класс.

- Забей! Найдется! – шепнула напоследок Юлька, - ну, кому он нужен?

Я, конечно, не был так оптимистичен. Но немного подумав, решил, что, собственно, она права, хоть и девчонка. И только я вздохнул с облегчением, как он и появился. Не, не журнал. Кот. Да не простой - зеленый! Важно так по карниzu вышагивал, лапками цвета травы перебирал. Я как его увидел, так сразу понял, что мне конец, окончательный и бесповоротный. С моим-то послужным списком! Да мне ни за что от «авторства» не отвертеться! А тут еще эти куклы – сестры Лаптевы воят, как потерпевшие:

- Смотрите, смотрите, кот!!!

А Ванька Баранов с дружком своим Сенькой Рябовым им подвывают:

- Он зеленый, зеленый!!!

У Крокодилы лицо в одну секунду по цвету с котейкой сравнялось, того гляди в обморок грохнется.

- С ума сойти! - потрясенно прошептала Лизка. – Он и вправду зеленый!

- Эка невидалъ! – разозлился я, всерьез опасаясь за историчку, - от зеленки любой дурак позеленеет!

- От зеленки? – переспросила Булкина.

- А ты думаешь, акварельными красками раскрасили? - подивился я недогадливости соседки по парте. Сзади хихикнул Петров:

- Так он тебе и дался!

- Сами дураки! – обиделась Лизка. – Это у вас мозги зеленкой облиты! А кот зеленый не поэтому, а потому что из подвала! – туманно пояснила она.

- Типа, плесенью покрылся? – уточнил Ромыч.

- Типа, родился таким! – не на шутку обозлилась моя соседка по парте.

- Ну да, ну да, – насмешливо фыркнул я. - У нас же там неземная цивилизация!

- У нас там золотые слитки и камни драгоценные! – выпалила Лизка. – А Зеленый кот их охраняет! Вот! Так легенда гласит!

- Какая еще легенда? – недоверчиво хмыкну я.

- А такая! – сердито зашептала Зелинская. – Школа-то наша построена на месте какого-то очень старинного дома. А в потайных подвалах его несметные сокровища! Вот! Их туда хозяева дома запрятали, перед тем как скрыться. Вроде боялись они кого-то. А кота своего охранять оставили, он у них зле любой собаки был. Да еще его какой-то супернесмыываемой краской в зеленый цвет выкрасили, ну, для устрашения любителей чужого золотишко. Наверное, они собирались вскорости вернуться, да что-то им помешало. А кот не в меру верный оказался, все ждал, ждал, да так и сдох от голода на всех этих сокровищах. Говорят, кто его предсмертный вой слышал, мгновенно поседел от ужаса. Ну, а котяра и после смерти не посмел хозяев ослушаться, и теперь уже его призрак, тоже зеленый, охраняет их добро! Это мне тетя Лида рассказывала! А ты ничего не знаешь, а только смеешься! Шут гороховый!

Не успел я достойно ответить на подобный выпад, как вдруг Крокодила перестала хватать ртом воздух и заорала:

- Горохов!!! Ты опять за свое!!!

Ну, кто бы сомневался! В общем, как я не откращивался, подозрение все равно пало на меня. Естественно, директор школы не поверил в сказки про золотобриллианты и зеленого призрака, ему ближе была версия про мою месть Лидии Ивановне за неаттестацию.

- То есть обычного кота тебе показалось мало?! – гремел Илья Николаевич. – Для большей остроты решил выкрасить бедное животное! Ну, чтобы уж наверняка учительницу инфаркт хватил! – метал он громы и молнии.

- Изверг! – вторила ему уборщица баба Маша. – Это ж надо – так над человеком издеваться! С ее-то котобоязнью! Обормот!

Мои робкие возражения, понятное дело, не учитывались. Прибавьте сюда пропавший журнал... В общем, шансы вылететь из школы у меня увеличились раз в сто.

Между тем история с зеленым котом разнеслась по школе со скоростью звука. Первой к нам, на ближайшей перемене, принеслась Элька.

- Мне нужна правдивая информация из первых уст! – деловито заявила она. – «Школа-ньюз» работает только с достоверными сведениями!

- Конечно! – заверили мы ее, – сведения самые что ни на есть достоверные!

- Клянемся говорить правду, только правду и ничего кроме правды! – проорал Буянов.

Мы такими же дикими воплями дружно его поддержали.

- Ну, тогда начинайте! – важно кивнула наша местная папарацци, включая диктофон.

Для начала Булкина выдала легенду про призрака.

- Настоящий?!! – ахнула Белкина и ее глаза загорелись, как фары у «Мерседеса». – Это же сенсация!!! С ума сойти!!! В нашей школе призрак!!! А какой он?! Давайте скорее описывайте его!! – поторопила она нас.

Ну, мы и поторопились... от души... кто во что горазд. В наших живописаниях котик подрос до размеров небольшого динозавра, у него появились огромные клыки, третий глаз и парочка лишних лап. Особую ужасность чудищу придавал, якобы издаваемый им, грозный рык, который очень натурально изобразил Петров. От такого портрета лично мы были в полном восторге. Но Элька почему-то обиделась и ушла.

- Что вы наделали! – сердито топнула ножкой староста. – Элеонора бы про наш класс в газете написала! На всю школу прогремели бы!! А так...! Эх, вы! – Юлька с досадой махнула рукой.

Но она оказалась не права. К нам и без Белкиной не зашел только ленивый. Все хотели послушать про чудо-котика. Слушатели ахали, визжали или насмешливо хмыкали. Ну, в зависимости от своей доверчивости. Но мысль о собственном школьном приведении нравилась всем. Хотя при этом, похоже, ни один человек во всей школе не усомнился в моей причастности к этому.

- Ой, Горошек, спасибо! – счастливо щебетали девчонки, неумело строя глазки зашедшем старшеклассникам.

- Ну, Горох, удрожил! – хлопали меня по плечу одноклассники, с восторгом оглядывая толпу «слушателей», которая и не думала расходиться после звонка.
– Хана урокам!

- Ну, Горохов!! – задыхались от возмущения учителя. – Это тебе даром не пройдет! - и записывали в мой многострадальный дневник: «Сорвал урок!»
Но хуже всего было с Крокодилой. Она из-за всего этого здорово обозлилась и теперь изводила меня своими придирками.

- Ну, что, Горохов, кота выкрасить – это тебе не историю выучить!

Хотя я в учебнике уже постранично знал где какая «рожица» нарисована.

Но что меня пугало по-настоящему - так это журнал. Дни шли, а он все не находился. А классный журнал – это вам не какая-то там «неаттестация»! И я потихоньку начал паниковать.

- Да найдется! – опять отмахнулась Юлька. – Учи лучше, вызовет же сейчас!

- А дежурство по столовой? - напомнил я, и мы побежали накрывать для первоклашек столы.

Я как раз нес поднос с двумя тарелками супа, когда опять появился этот кот. Он не спеша шествовал через всю столовую к выходу. Все замерли. Наступила просто гробовая тишина.

- Смотрите, призрак!!! – вдруг взвыл Баранов.

И секундная осталбеность сменилась диким визгом и звоном разбившейся посуды.

Я тоже подскочил. А вместе со мной подскочили и тарелки с супом. Неаппетитное горячее варево выплеснулось через край прямо мне на брюки. Я мгновенно разозлился на Ваньку и захотел треснуть его подносом с остатками супа. Но тут очнулась Лидия Ивановна:

- Горохов, прекрати!!! – носорогом проревела она, зеленея на глазах.

И я сразу понял, что должен делать. Отложив «месть» Баранову, я кинулся за котом.

- Лови его! – заорал я и в ту же секунду грохнулся на пол. Разбираться в причинах падения было некогда и быстро вскочив на ноги я опять бросился за «призраком». А он уже «выплывал» из столовой, гордо задрав зеленый хвост. Когда я выскоцил за ним в коридор, меня приветствовало лишь распахнутое настежь окно и маячившая в конце коридора фигура географа.

- Это Филиппок его выпустил! – мрачно жаловался я Петрову, когда полчаса спустя, мы топтались перед кабинетом литературы в ожидании учительницы. – Он открыл окно!

Филиппок - это наш учитель географии - Филиппов Игорь Вениаминович, маленький, тощий человечек в абсолютно нелепых очках, у которого все было «на вырост» - брюки, пиджак и даже сами очки. Наверное, он вызывал бы острое чувство жалости, если бы не его на редкость въедливый характер. Опрос

домашнего задания больше походил на допрос третьей степени. Лично я его терпеть не мог! И двадцать девять человек из класса в этом были со мной солидарны. Одна только Юлька его жалела.

- Он всегда окна открывает, - и сейчас заступилась за него она. – Проветривает. Ему кажется, что в туалетах накурено, а он совершенно не выносит сигаретного дыма, вот и делает «сквозняк», распахивая окно в туалете и в коридоре.

- В туалете рядом со столовой может покурить только самоубийца! – не сдался я. – Это все знают! Нет, он специально окно открыл - кота выпустить!

- Это он тебе сказал? – насмешливо хмыкнул Буянов, крутившийся тут же. Хотя его никто не спрашивал. О чем я и собирался ему сказать. Но потом передумал – все-таки лишняя голова. Поэтому я просто вздохнул:

- Не, сначала, когда я спросил про зеленого кота, он стал кричать, что ему вся эта глупая история надоела, и ни зеленый, ни синий и ни розовый кот в окно не выпрыгивали! И это он точно знает, потому что окно открыл он. Ну, и дальше что-то про накуренность стал плести. Только, знаете, что странно?

- Ну, что? – поджала губы Юлька.

- Что он **ВООБЩЕ** стал со мной разговаривать!!

- Он просто вежливый человек! – опять вступилась за географа староста.

- Ага, вежливый! – фыркнул я. - На уроке слова в простоте не скажет! Все с подковырками! А тут прямо разговорился! Неспроста это!

- На уроке ты разгильдяй и двоечник! – нахмурилась Юлька. – Чего это ему с тобой милые беседы вести?!

Я понял, что она сейчас разозлится и сменил тему.

- Эх, если бы я не упал! – вздохнул я. - Все этот гад Баранов! Подножку подставил!

- Ты поскользнулся на супе. – покачала головой Юлька. - Это все видели.

- А я говорю – Баранов! Я хорошо разглядел его грязный ботинок с развязанным шнурком!

Мы дружно посмотрели на Ванькины ноги.

- Ну, и что, долго что ли шнурок завязать?! – упрямо буркнул я.

- Ага, а еще начистить туфлю до блеска, - хихикнул Буянов. – Чего там! У него же всегда в кармане парочка щеток для обуви!

Ну, про «блеск» Макс, конечно, загнул, но обувка у Ваньки действительно была чистой.

- Но я же видел ботинок! – упорно гнул я свою линию.

- Я поняла! – округлила глаза Юльча. - Это все **ОН**!

- Кто?! – вытаращились мы.

- Призрак! – шепотом пояснила она. – Он специально так сделал, что ты какую-то несуществующую ногу увидел! Запутывает!

Мы переглянулись.

- Колокольчики-бубенчики бум-бум, - тихонько хихикнул Макс и постучал себя по голове, намекая на Юлькино здравомыслие. Вернее, на его отсутствие.

Ромка дипломатично отвернулся, а я опять вздохнул: